

Ветер

Ветер дул непрерывно. Он, как морское течение, что на порядочной глубине нежно обволакивает донного скитальца, не менял проложенного однажды курса. Волосы устали ему сопротивляться и, спутанные, лишь слабо вздрагивали с каждым шагом.

Серые скалы, равнодушные ко всему, своими огромными телами вытесняли день из личных владений раньше, чем на других участках огромной мёртвой пустыни ночь робко предупреждала о своём скором появлении. В глазах потемнело, но не из-за того, что начинался закат. В молодом неокрепшем теле росла усталость. Нужен был отдых.

Путник оглянулся. Не до конца удовлетворённый тем, что ему досталось в качестве дома на ночь, странник расположился под кроной одинокой сосны, спокойно растущей здесь, наверное, не один десяток лет – могучий ствол был тому подтверждением.

Спокойствие ночи ничем не было нарушено. Небольшой дождь неудобств не доставил – хвоя выдержала удары капель. Лишь утром, когда какая-то птичка вылетела из кроны на завтрак, несколько бодрящих ударов водяным драже пришлось спящему по лицу. Очнувшись, он некоторое время лежал и приходил в себя. Встать его заставило чувство голода.

Поискав вокруг места своего ночлега какие-нибудь ягоды или орехи и не найдя ничего, путник вернулся к импровизированной лежанке и, вздохнув, опустился на колени. Ещё перед сном он заметил, что сможет в случае необходимости утолить голод корнями медуницы. Пища эта была его частым спасителем. В начале скитаний казавшаяся лакомством, постепенно она приелась и теперь не доставляла удовольствия, хотя силы всё так же восстанавливала.

Неповоротливое солнце поднималось на трон. С утра блестящая корона дерева уже высохла и сейчас сосна согревалась, принимая улыбки жёлтого короля неба. Покинув тенистый оазис, безмянный искатель приключений сделал последний шаг к своей цели – Брошенному городу, о котором слышал с детства.

Легенда эта была устойчивой ко времени, скептикам и фантазёрам – за многие годы миф о заброшенном городе ни капли не изменился (как это бывает со всем, что окружает человека) и не был ни забыт, ни развенчан. Здесь следует порадоваться замкнутому кругу, в который загоняли себя все, кто не верил в легенду. Дело в том, что местонахождение таинственного города было известно, но никем не подтверждено. И отстоять свою точку зрения можно было лишь одним способом. Но любой уважающий себя спорщик понимал, что, тяжёлый и, может быть, опасный путь для человека, целиком уверенного в своих словах, является лишь доказательством сомнений в них. А демонстрация абсолютной убеждённости легко освобождает от тягот долгой дороги.

Не относясь ни к тем, ни к другим, юноша, однако, отправился в путь, чтобы искать. Прежде всего, он хотел найти себя.

Дышать было трудно, так как солнце целенаправленно выжигало кислород всюду, куда дотягивались его жёлтые щупальца. Они, казалось, даже в ноздри залезали, чтобы и там после себя оставить лишь нестерпимые сухость и жжение. Жара была мистической, неузнаваемой, но пугала путника всё же не этим, а своими возможными последствиями. Хотелось пить. Организм требовал воды, но впереди была только пыльная дорога. Последняя растительность давно осталась позади, но поворот на сто восемьдесят градусов стал бы предательством интересов скитальца, ведь они составляли всю его жизнь. Здесь на дороге этого человека ждала смерть либо физическая – от жажды и перегрева, либо душевная – стоит только повернуть.

Он шёл и думал о том, что единственной его находкой пока стало лишь осознание собственной беспечности. Отправился в путь без достаточных запасов воды и пищи, не взял с собой оружия. Правда, у него был небольшой нож, но годен он был лишь на то, чтобы срезать грибы и маргаритки. Не самое надёжное оружие в случае нападения хищника. Хотя опасность могла исходить и от человека, случись здесь такая встреча.

Однажды в детстве отец рассказал ему притчу. Её герой – такой же одинокий путник – нарвался на разбойников. Атаману банды он заявил, что никого не боится и может справиться с ними при помощи всего лишь одной иголки. На это негодяи рассмеялись, а предводитель шайки, задумав поиздеваться над человеком, дал тому иголку. Притворившись, что внимательно рассматривает предмет, бесстрашный парень вдруг заявил: «Она же сломана!» Удивившийся атаман приблизился, чтобы проверить это и получил, не ожидая того, иголкой в нос. Его крик и неожиданность ситуации заставили обидчиков бежать. Конец повествования, конечно, больше был похож на сказку, но, тем не менее, история эта успокаивала.

«А хищники в такую жару, наверное, больше заняты поиском воды», – подумал путник. И последние переживания за собственную жизнь оставили его в покое.

Со всеми этими мыслями утомленный ходок преодолел большое расстояние. Теперь дорога начала подниматься в гору и уже больше напоминала бархан – под ногами лежал мягкий песок, черта между трактом и обочинами стёрлась.

Чем выше, тем жарче. Взгляд с трудом достигал вершины. Глаза щипало от попадавшего в них пота. Воздух обволакивал плотнее, мешал дышать. Каждый следующий шаг совершался медленнее предыдущего. В конец мучений не верилось.

Нога резко опустилась вниз. Путник поднял голову, через силу вытер пот с лица и смог открыть глаза. Перед ним лежал город.

Каменные стены, местами полуразвалившиеся, смыкались вокруг примерно трёх квадратных километров неплотно застроенного участка. Безлюдного. По крайней мере, широкие улицы города были пусты. Возможно, в жару жизнь здесь перемещалась в невысокие крепкие здания, чья целостность резко контрастировала с состоянием стен и отсутствием ворот.

До города оставалось немного, но ещё меньше оставалось сил. Выбора не было никакого. Только вперёд! И, может быть, тень от одного из строений станет спасением для одинокого безымянного и обессилевшего странника.

Он не запомнил, как преодолел немаленькое расстояние, как вошёл в город, как упал, или лёг. Очнулся на каменных плитах в нескольких метрах от ворот. Солнце делилось последним светом откуда-то издалека. Его лучи кое-где ещё могли проникнуть в город, в других местах стены были слишком высоки. Дышалось легче.

Дома были невысокими, узкими со всех сторон и казались непригодными для жилья. Зато улицы были необыкновенно широкими. На то, чтобы пересечь любую требовалось не меньше пяти минут.

Камни под ногами долгое время оставались горячими – маленькие дома отбрасывали мало тени, поэтому днём здесь всю хозяйничало солнце, отдавая не тепла даже, а жара сверх всякой меры. Надеяться на укрытие от небесного огня было бесполезно ещё и потому, что двери во всех строениях были наглухо закрыты и на усилия незваного гостя не отвечали, а оконные проёмы прятались за крепкими ставнями.

Путник брёл вглубь города, не в силах даже думать о чём-либо. Весь он состоял, как ему казалось, из одних только голода и жажды. Воскресить все остальные чувства смогли очертания колодца. Он находился на приличном удалении от домов и, как стало ясно при приближении, в самом центре города, посреди того, что можно было назвать площадью. Появились силы. Жажда начала понемногу слабеть, но полностью отступить явно не собиралась.

Посреди ночи при свете полной луны одинокий пилигрим приблизился к объекту мысленного вожелания. Заглянул в колодец, опершись на его края, и случайно отправил вниз несколько камешков. Тут силы его покинули окончательно. Задетый им мусор прошуршал далеко внизу, открыв горькую истину. Путник обмяк и повис над пустым, сухим и пыльным жерлом.

Почти сразу он услышал тихие завывания. За его спиной ветер гулял по широким улицам странного города и пел печальную песню. Ночные минорные ноты складывались в грустную мелодию. А в голове сами собой возникали унылые слова:

*Здесь больше жизни нет, увя,
Но воскресить её возможно
Тому, кто не жалея головы
Отправит вниз свой дух тревожный.*

Чёрный зев колодца, печальная песня, грустные думы о смысле жизни – всё сложилось вдруг в одну картину. Пожертвовать собой ради воскрешения целого города? Может быть, это и есть его предназначение? Может быть, он нашёл себя?

Луне нет никакого дела до того, о чём думает человек. Не интересно ей и что он делает, пока это не касается её самой. Человек сильнее перегнулся через край колодца и исчез в темноте подземелья. Луна всё так же бесстрастно отражала свет.

Солнце зависло над небольшим поселением, где покой, похоже, не приживался. На окраинах люди возделывали землю, к югу от центра дети плескались в мелкой речушке, на западе строители заканчивали постройку дома, в северной части кипела рыночная торговля, а на востоке, куда текла река, женщины по колено в воде возились с бельём. В самом центре города возле крупного и довольно простого для этого почётногo места здания также собралось много людей, но причин столпотворения сразу не было возможно понять. Это место являлось своего рода сердцем поселения. Собравшиеся здесь местные обитатели поговаривали, что в городе появился новый житель и находится он в окружённом ими строении. Это очень редкое и радостное для здешних поселенцев событие, дарящее надежду на великое Возвращение.

Времени с момента основания городка прошло немного. История его не содержит сколько-нибудь значимых событий. А вот люди здесь живут самые, что ни на есть выдающиеся. Все они когда-то тем или иным образом приходили в Брошенный город, преодолев множество испытаний, и находили ответ на один из самых важных вопросов своей жизни. Но ещё до того, как Брошенный город получил своё название, в нём жили другие.

По какой-то таинственной закономерности все они были людьми невероятно благородными, а своим кредо непременно называли честь или доблесть. В их глазах светилась рыцарская закалка, лицо каждого выражало умиротворённость, поведение было хладнокровным и вся их сущность, казалось, только и состояла из великодушия, смелости и отваги, всего совершенного, что может наполнять человека. Неудивительно, что город развивался всё быстрее и быстрее и, в конце концов, стал выдающимся явлением. Одновременно с этим стены, окружающие его, стали выше, а ворота были укреплены: в этом мирке не было места тому, что горожане называли инфекцией. Занести заразу мог любой: трус, лжец, жадина-деляга, гордец, эгоист и прочие. За закрытыми воротами, в которые иногда тщетно стучались путники, процветали науки, развивалась техника, воспитывались (а, может, выводились) совершенные дети. Ни одна власть не смогла бы потерпеть подобного унижения со стороны подданных. А слава о необычном месте распространялась.

Наука города позволила не ждать развязки. В это время местные учёные, а они были необычайно умны, нашли некий способ покорения скрытого пространства. Они-то и создали небольшой пустырь, жизнь которого подчинялась земным законам. Но нельзя было его обнаружить случайно или найти на какой-нибудь карте. Стоит ли говорить, что именно туда вся славная когорта и переселилась, оставив город на попечение ветрам и солнцу.

Однако кажущаяся простота с самого начала обернулась сложностями. Честь не могла позволить этим носителям добродетелей оставить на ужасной земле тех, кто так же, как они заслуживает лучшего. На этот случай учёные «научили» ветер петь. Первоначальный облик покидаемого города был изменён так, что путь стихии всегда пролегал по определённому маршруту, проходя сквозь разных размеров отверстия в

зданиях и других преградах. Звук ветра, преодолевающего препятствия, преображался в слова. Этот изумительный механизм больше напоминал волшебство. И, возможно, что без вмешательства чудесных сил здесь и не обошлось. Ведь даже колодец, являющийся воротами в новый мир, с тех пор работал на удивление исправно, отпугивая нерешительных и пропуская всех, кто готов отдать свою жизнь ради спасения целого города.

Великим Возвращением люди окрестили уход к прежней жизни, на землю. Но случиться это может только когда вся планета будет заселена людьми, подобными им. И хотя явно не нынешнему поколению суждено вернуться на землю, однажды этот триумф состоится.

- Кажется, он просыпается.

Дребезжание старческого голоса было противно ушам. Пробуждение было испорчено. Лежащий человек открыл глаза и увидел, что над ним склонился незнакомец. Поражали его необыкновенные глаза. Они выдавали недюжинную внутреннюю силу старика. Черты лица были резкими, благородными и в сочетании с этими глазами заставляли при встрече с ним чувствовать себя неуверенно любого.

- Как тебя зовут? Впрочем, не отвечай. Ты попал туда, где прежние имена ничего не значат. Ты можешь его помнить, можешь им представляться, но называть тебя здесь всё равно будут так, как решили ещё задолго до твоего прихода – Интрус. Запомни своё новое имя. А теперь отдыхай, Интрус. Позже поговорим.

Получивший новое имя человек закрыл глаза и провалился в сон.

- Вставай, Интрус! Пора тебе показаться своим согражданам.

«Снова этот старик», – подумал Интрус, поймав себя на мысли, что отзывается на это имя. Он присел в кровати.

- Где я?

Старик подошёл ближе. Они находились в небольшой комнате, где были только кровать, да несколько стульев у стены. Голые серые стены, три небольших окна (по одному в стене) и пустой дверной проём (в четвёртой) подчёркивали общий аскетизм помещения.

- Ты в городе славных и великих людей, среди самых благородных и добродетельных жителей земли, некогда покинувших свой мир ради спокойствия. Ты всё узнаешь постепенно. Сейчас ничего не бойся. Здесь никто не желает тебе зла. Меня зовут Антиго. Я буду помогать тебе в первое время. И надеюсь, что успею завершить свою миссию до того, как буду вынужден перейти в самый лучший мир. Вставай. Я покажу тебя и покажу тебе.

Встреча с новым жителем Линдо (так назывался город) состоялась на площади перед центральным городским зданием и прошла быстро. От неё у Интруса в голове осталось лишь воспоминание, поблекшее, когда Антиго начал водить его по разным местам и рассказывать удивительную историю двух городов, по сути являющихся одним и тем же местом. Изумление сменилось гордостью, затем Интрус почувствовал страх, но не заставило себя ждать и успокоение – картины обыденной жизни и доброжелательное любопытство местных, проявляемое к нему, уничтожили все волнения. Само по себе пришло смирение, которое ознаменовало начало новой жизни.

А она была свежа и интересна. Поначалу Интрус занимался тем, что постоянно кому-то помогал в самых разных делах, с радостью принимал участие в оказании этой помощи от всех, кто её ему предлагал, а когда попытался найти себе постоянное занятие, понял, что здесь об этом не может идти и речи. «Все всегда равны во всём!» Так можно было, наверное, сформулировать девиз линдовцев, по которому каждый должен прожить

стандартную жизнь, чтобы не только никого не обидеть, но и свою честь уберечь от оскорбления.

Неудивительно, что это понемногу надоедало Интрису. Здесь у него не появилось ни одного мало-мальски близкого человека, кроме, пожалуй, Антиго, который как принял его под свою опеку, так и не отпускал. Здесь, Интрис чувствовал себя бесполезным – исчезнет и ничего не изменится, никто даже не позлорадствует. В конце концов, достаточно скоро пришли мысли о том, что в Линдо ему находиться больше не хочется. Но как вернуться домой? Этому Интрису, всё больше привыкавший к новому имени, не знал.

Однажды он решился на разговор с Антиго. Они прогуливались вечером вдоль берега реки.

- Знаешь, Антиго, я понял, что благородство и честь хороши и важны только тогда, когда есть нечто противоположное. Здесь же всюду только они и им подобные качества, и я от них устаю. Мне этот культ надоел.

Он замолчал, не решаясь сказать, вернее, попросить самого главного. К его удивлению старик, помолчав, выдал следующее:

- Я понимаю тебя, Интрис. Понимаю и то, что из всего окружающего нас здесь немного похоже на истинные добродетели. Всеми виной то, что не все здешние жители пришли сюда с земли. Родившиеся тут не могут даже представить, насколько ценно то, чем обладают – они никогда не видели противоположных вещей, не ужасались им, не возмущались ими. Построение идеального мира не по силам, наверное, никому.

Антиго замолчал. Лицо его выражало грусть, но в глазах оживала какая-то идея.

- Я помогу тебе покинуть Линдо. Этой же ночью. Пусть меня не поймут и осудят, но, может, это станет контрастом, который возродит некогда идеальную атмосферу этого по-прежнему чудесного мира. В любом случае мне осталось недолго. Значит, терять нечего.

Интрис было открыл рот, но Антиго его остановил:

- Не говори ничего! Иначе я могу передумать. Сейчас иди спать и ни о чём не тревожься. Представь, что всё это был сон, быстрое видение...

Засыпая, Интрис ни о чём не думал. Ему это давалось легко. Он слишком устал от долгого и странного сна, который теперь не стоял у него перед глазами. Пробуждение, Антиго, Линдо, какие-то повседневные заботы – всё оказалось незначительным, мелким, прозрачным, рассеянным, как клочья тумана, разгоняемого ветром. Хотелось слиться с чернотой сонного царства, чтобы его никто не нашёл, не разбудил, не забрал...

Он очнулся на каменных плитах в нескольких метрах от ворот. Луна делилась светом солнца с высоты чернеющей пропасти, ей были безразличны городские стены. Дышалось легче. Тот, кого называли Интрисом, встал и замер, глядя себе под ноги. Затем поднял голову, посмотрел вперёд и пошёл.

За его спиной ветер гулял по широким улицам странного города и пел печальную песню. Ночные минорные ноты уже не задевали путника. С каждым шагом грустная песня ветра становилась всё тише. Когда безымянный странник подавил в себе желание обернуться, она вовсе смолкла. Только шуршал под ногами песок, да далеко впереди неслышно ещё пела колыбельную листва одинокой сосны.